

НАСТЯ РОДИОНОВА

КУКОЛКА

Часть сборника: Жить! (сборник)

Настя Родионова

Куколка

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Родионова Н.

Куколка / Н. Родионова — «Эксмо», 2018

«Когда я вспоминаю всех своих умерших, меня охватывает чувство, будто мои друзья ушли купаться на речку, а я осталась лежать дома с ангиной. Один человек однажды спросил меня, боюсь ли я смерти. Я сказала, что не боюсь. Смерть, подумаешь, смерть, да приходи хоть завтра, хоть сегодня, да хоть сию минуту, я не боюсь тебя! Слышишь? Не боюсь ни капли. Я готова, я запросто...»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Родионова Н., 2018
© Эксмо, 2018

Настя Родионова

Куколка

Когда я вспоминаю всех своих умерших, меня охватывает чувство, будто мои друзья ушли купаться на речку, а я осталась лежать дома с ангиной.

Один человек однажды спросил меня, боюсь ли я смерти. Я сказала, что не боюсь.

Смерть, подумаешь, смерть, да приходи хоть завтра, хоть сегодня, да хоть сию минуту, я не боюсь тебя! Слышишь? Не боюсь ни капли. Я готова, я запросто.

«Ну-ну, – сказал он и грустно посмотрел на меня. – А знаешь, почему ты не боишься? Ты думаешь, что смерти нет».

Действительно, я не верила в смерть в детстве, в отрочестве, в юности и не уверена, что сейчас ситуация изменилась. Мои друзья просто ушли купаться на речку.

Тот же человек сказал мне, что на разных этапах жизни мы заново устанавливаем свои отношения со смертью. Охотно верю, на разных этапах мои с ней отношения запутывались по-разному. И в тот момент, когда я стояла позади свежераскопанной могилы, куда я пришла, следуя за звуком комков ледяной земли, которые ударялись о крышку гроба, мои отношения со смертью стали совсем сложными. Я думала об этом, сжимая в руке кусок черной кружевной материи, который должна была на глазах вдовы и скорбящих друзей и родственников запустить прямо в могилу. Я обещала это покойнику.

Всегда забавляло, когда умершего человека, говоря о временах, когда он был еще жив, называют «покойником». «Стою я давеча с покойником», – например. Сразу представляю себе довольно жуткую картину.

Возле гроба чернеет силуэт жены. Я вспомнила, как говорила в сердцах Озерову: «Твою жену зовут как сауну». Я посмотрела на дрожащие плечи пожилой женщины, и мне стало совестно от сказанных сгоряча слов.

Лопаты мелькали, как весла, над перевернутой лодкой-гробом, а в голову непрошеными гостями стучались воспоминания. Впрочем, воспоминания ценны, когда приходят без приглашения.

Я называла его «куколка», а он меня – тварь, гадина и проститутка.

На самом деле это неправда. Он называл меня по-разному, да и я его тоже.

Прозвище «куколка» стало наиболее полным выражением наших отношений – небритый коренастый мужик с маленькими, острыми, как его черная с проседью щетина, глазками, в камуфляжной майке, с широкими, испещренными линиями ладонями и таким же широким и в линиях лицом, с вечной суетливостью, которую я объясняла временем, проведенным на войне – там нужно было быть собранным, сосредоточенным и молчаливым, поэтому здесь, в миру, он становился болтливым, вечно движущимся, слегка рассеянным, точно одержимым постоянным внутренним тремором.

И тут тощая девчонка, только пришедшая в профессию, в которой он уже добился признания, девчонка с гордо задранной подбородком и телом подростка смотрит на него и говорит: «Ты моя куколка». А он смотрит на нее и не знает, то ли дать пощечину, то ли расплакаться от умиления. Так и стоит, и смотрит, а она поднимает подбородок еще выше, как будто подставляя скуластое лицо под удар, которого не будет. И широко улыбается, задирая верхнюю губу к носу, зная, что он сейчас схватит ее в охапку и будет кружить, а она сквозь смех скажет: «Представляешь, какой будет конфуз, если ты сейчас уронишь меня в лужу».

Он будет нарочно делать вид, что роняет, а потом осторожно опустит на землю и тихо скажет: «Назови меня еще раз куколкой».

А потом я придумала эту фразу: «Она называла его куколкой, а он ее тварь, гадина, проститутка». Озеров смеялся, и мы говорили о том, что можно открыть блог в интернете, где

первая фраза будет именно такая, а дальше я буду описывать свою жизнь с мужчиной, которого я называю Куколка. «Куколка проснулся не в духе», «Куколка затянул покрепче шнурки на берцах и пошел на работу», «сегодня машину Куколки обстреляли неизвестные», «Куколка злился, что в новостях все переврали», «сводила Куколку в «Макдоналдс», он впервые попробовал гамбургер, остался доволен».

Мы повторяли фразы наперебой – одна нелепей другой, впрочем, все они были правдивы, что про «Макдоналдс», что про обстрел. Идея казалась нам необычайно остроумной, хотя это был сорт юмора, понятный только двоим, так что выносить шутки про «куколку» в массы мы не стали.

Тогда, в расцвете юного женского садизма, мне не хотелось за него замуж, хотя после недавнего развода по инерции идея нового брака еще казалась привлекательной; мне не хотелось уводить его от жены, единственным моим желанием по отношению к нему было, чтобы он пришел ко мне на кухню, снял с себя кожу и попросил потрогать пальцами незащищенную розовую плоть.

Мы лежали, уставившись в потолок, свет фонаря сквозь жалюзи робой раскрасил комнату, проезжавшие под окном автомобили, рассекая ночную заснеженную трассу, создавали гул, который разряжал тишину и делал ее не такой напряженной. Он несколько раз пытался начать рассказ, но осекался на полуслове. Из словесных осколков, разлетавшихся от столкновения о тяжелое воспоминание, можно было уловить предысторию о том, что никому раньше он этого не рассказывал и то, что в духоте ночи и в моей близости наружу из нутра просятся густые и черные, липкие и вонючие, как мазут, куски памяти.

И куски все же полезли из горла нехарактерным для него дребезжащим голосом, отзываясь хрипом после каждой фразы, которую он старался начинать непринужденно.

Мы завели его в дом, спросили, где все. Хрип. Пауза.

Дом был пустой, но шел пар из чайника. Хрип. Пауза.

Он залез под стол, скорчился и дрожал. Хрип. Пауза.

Он сказал, что остальные ушли в лес. Хрип. Пауза.

Он просил пощадить, но было нельзя. Хрип. Пауза.

Он был один из них. Он был враг. Хрип. Пауза.

Мальчишка. Лет двенадцать на вид. Хрип. Пауза.

Перед выстрелом он плакал. Хрип. Пауза.

Тело бросили в яму. Хрип. Всклипывание. Тишина.

Через десять минут он спал, крепко прижав скрещенные руки к груди. Обычно, когда мы спали вместе, между цепких его рук оказывалась я, и иногда он сквозь сон сжимал их так сильно, что, казалось, у меня вот-вот захрустят кости. Когда терпеть не было сил, я будила его и просила ослабить хватку.

«Ты боишься, что я убегу от тебя во сне, глупенький?» – спрашивала я, и он улыбался, обнажая ряд зубов, вставленных вместо тех, что он когда-то потерял по пьяни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.